

Музеи и институты

М. В. МОКРОВА

ПОРТРЕТНАЯ ФОТОГАЛЕРЕЯ РАН (к истории формирования архивных коллекций Лаборатории научно-прикладной фотографии и кинематографии)*

В статье реконструирована история возникновения и рассмотрена специфика функционирования Лаборатории научно-прикладной фотографии и кинематографии (ЛАФОКИ) – одного из старейших учреждений АН СССР – РАН, обеспечивавшего на протяжении многих лет кино- и фотодокументирование наиболее значимых событий академической научной жизни. Также рассказано о некоторых выдающихся фотографах-портретистах, работавших по заказу ЛАФОКИ, благодаря деятельности которых была собрана обширная коллекция фотопортретов деятелей науки.

Ключевые слова: Академия наук, ЛАФОКИ, портреты ученых, фотоархив, М. С. Наппельбаум, формирование архивных коллекций.

Лаборатория научно-прикладной фотографии и кинематографии (ЛАФОКИ) – одно из старейших учреждений Академии наук СССР – РАН, обеспечивавшее на протяжении многих лет кино- и фотодокументирование наиболее значимых событий академической научной жизни. История лаборатории начинается с 1930-х гг. Ее появление было обусловлено задачами централизации работ по обеспечению научных академических учреждений кино- и фотосъемками, выполняемыми на высоком профессиональном уровне. Ранее многие научные институты имели собственные небольшие фотолaborатории и обходились своими силами, проводя репродукционные и предметные съемки для подготовки иллюстраций к публикуемым статьям и монографиям, для выставочных экспозиций и пр.

Несмотря на то, что ЛАФОКИ непрерывно функционируют в Академии наук свыше 70 лет, и в ее архиве содержатся ценные изобразительные материалы, в том числе создававшиеся крупнейшими фотомастерами XX столетия, ее история до настоящего времени практически не изучена. Наиболее существенная часть делопроизводственных материалов, позволяющих проследить историю создания лаборатории и выявить особенности ее функционирования, хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ПФА РАН), где имеется отдельный фонд ЛАФОКИ (формируется с 1938 г.). Это документы ленинградского филиала лаборатории. Документы ЛАФОКИ впервые были переданы в Архив АН СССР в 1938 г., а затем во время Великой

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 08-06-00092-а.

Отечественной войны в 1941 и 1943 гг. в связи с эвакуацией ленинградского филиала лаборатории в Москву.

Фонд ЛАФОКИ в ПФА РАН включает в себя четыре описи. Первые три – делопроизводственные и бухгалтерские материалы, четвертая – личные дела сотрудников за 1930–1940 гг. Почти на каждой странице этих описей обращают на себя внимание множественные грифы «Уничтожено». В итоге сохранилась лишь малая часть фонда. Многие документы были по тем или иным причинам утилизированы.

В целом можно выделить три «волны» уничтожения. Инициаторами первой была сама ЛАФОКИ: в 1930-х гг., еще до передачи дел в архив, были уничтожены некоторые бухгалтерские документы за 1932–1935 гг. Эти материалы были сданы в утиль в рамках начавшейся еще в конце 1920-х гг. так называемой «макулатурной кампании»: в 1928 г. вышло постановление коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции «О порядке изъятия из учреждений и предприятий архивной и иной бумажной макулатуры для нужд бумажной промышленности», согласно которому всем организациям предписывалось сдать на переработку документы, не имевшие исторической ценности. Исполняя это постановление, ряд учреждений, в том числе и государственные архивы, старались перевыполнить поставленные перед ними нормы ¹. Документы ЛАФОКИ, уничтоженные в этот период – это материалы бухгалтерских проверок, кассовые книги, договоры с учреждениями за 1933–1934 гг., счета, переписка и многое другое ².

Уцелевшая часть бухгалтерских документов ЛАФОКИ была практически вся уничтожена уже после передачи их на хранение в Архив АН СССР по результатам работы архивной Экспертно-проверочной комиссии 1942 г. Акт об уничтожении не сохранился, но можно предположить, что в этот сложный для архива период в преддверии ожидаемой эвакуации архивистам необходимо было быстро решить, какие документы являются наиболее ценными и нуждаются в спасении, а какие можно уничтожить. В результате из бухгалтерских материалов сохранились лишь шесть дел за 1931–1938 гг.

Наконец, наибольшее количество делопроизводственных документов лаборатории было уничтожено в Архиве АН СССР на основании постановления Экспертно-проверочной комиссии Архивного отдела Управления МВД по Ленинградской области в сентябре 1954 г. на пике новой волны «макулатурной кампании». Тогда, в конце 1940-х – начале 1950-х гг., была введена практика уничтожения документов, не представлявших «оперативно-чекистского значения». В результате среди уничтоженных материалов фонда ЛАФОКИ оказались судебные дела за 1938–1940 гг., почти вся переписка 1937–1941 гг. с заказчиками – неакадемическими учреждениями, квартальные отчеты лаборатории, отчеты о численности работников, расходе фонда зарплаты и другие интересные документы.

¹ Так, к примеру, в Центральном архиве Красной Армии в 1935 г. при плане сдачи в 36 000 ед. хр. документов, сдали в макулатуру 53 000 ед. хр. В Центральном архиве внешней политики в 1936 г. при плане сдачи в макулатуру 560 кг сдали 4 т архивных документов. См.: Малышева С. Ю. Основы архивоведения. Казань, 2002. С. 126.

² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 298. Оп. 2–3.

Опись № 3 - Восточная Обсерватория
Ленинградский филиал
27.10.1934 г.

№ дела или папки	Краткое описание	Наименование единиц хранения (по описи к. л.)	Число единиц	Примечания
1-1-1/1	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/2	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/3	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/4	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/5	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/6	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/7	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/8	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/9	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/10	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/11	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/12	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/13	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/14	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/15	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/16	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/17	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/18	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/19	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/20	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/21	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/22	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/23	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/24	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/25	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/26	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/27	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/28	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/29	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/30	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/31	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/32	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/33	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/34	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/35	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/36	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/37	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/38	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/39	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/40	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/41	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/42	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/43	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/44	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/45	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/46	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/47	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/48	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/49	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓
1-1-1/50	Восточная обсерватория Ленинградского филиала	1934 г.	1	✓

Штамп об уничтожении дел в описи Фонда ЛАФОКИ, хранящегося в ПФА РАН.

нематографии, а также рассказать о нескольких наиболее выдающихся фотомастерах, работавших по заказу ЛАФОКИ.

* * *

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. были очень непростым временем как для частных фотографов, так и для фотографических объединений. Согласно правительственной политике, ликвидации подлежало большинство негосударственных фотографических заведений, фотоателье. Под удар попали также старейшие фотографические общества. Так, закрылся журнал «Фотограф», издаваемый с 1927 г. Всероссийским обществом фотографов (ВОФ). В 1930 г. Русское фотографическое общество (РФО), действующее с 1894 г., также прекращает свое существование. На его материальной базе постановлением президиума АН СССР от 23 июня 1930 г. в Ленинграде была образована Центральная фотолаборатория (ЦФЛ) Академии наук⁵, которая находилась в

³ ПФА РАН. Ф. 298. Оп. 3. Д. 187. Папка с фотографиями – в описи указано, что по акту проверки от 22 октября 1973 г. это дело признано потерявшимся, все содержимое папки отсутствовало.

⁴ Благодарю за предоставленную информацию заведующую Отделом публикаций и выставочной деятельности Петербургского филиала Архива РАН Н. П. Копаневу.

⁵ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 140. Л. 122 об.

прямом подчинении Управлению делами АН СССР. Ее задачей было оказание методической и практической помощи научным академическим учреждениям в обеспечении фото- и киносъемок путем проведения консультаций или выполнения заказных съемок. Кроме того, сотрудники ЦФЛ должны были разрабатывать рекомендации по условиям хранения и учета кинофотоматериалов, а также организовать учебную лабораторию для обучения научных сотрудников различных академических структур фото- и киносъемке.

Структура ЦФЛ включала в себя фотографическую лабораторию, кинолабораторию, лабораторию по испытанию фотографических материалов, починочную мастерскую, собственный архив, склад материалов и канцелярию. Штат ЦФЛ был утвержден в количестве 23 человек: заведующий, помощник заведующего (он же старший лаборант), старшие фотографы-инструкторы, фотографы, помощники лаборанта, технические сотрудники, ретушер-художник, служитель, оператор, осветитель, старший химик, секретарь (он же делопроизводитель, счетовод и кладовщик), картотетчик (он же хранитель архива), механик, столяр и жестяник.

Необходимое для работы техническое оборудование поступало в ЦФЛ из более мелких фотолабораторий, состоящих ранее при различных академических учреждениях: с образованием ЦФЛ все они были переведены в ее подчинение. Значительная часть фото- и кинотехники поступила из Издательства АН СССР. Дело в том, что еще в 1927 г. при академическом издательстве предполагалось организовать собственную фотолабораторию для изучения и популяризации методов репродукционной фотографии и ретуши, пересъемок и перепечаток поступающих в издательство иллюстраций, которые зачастую были неудовлетворительного качества. Выполнение этих работ на стороне стоило немалых денег, а результат не всегда был удовлетворительным. В 1928 г. на специально выделенные Академией наук кредиты Издательством АН СССР в Германии было закуплено профессиональное фотооборудование. Но на протяжении 1928–1929 гг. под этот проект так и не удалось получить помещение. Все выделяемые Академией наук под фотолабораторию площади (всего было три предложения) Управление делами АН СССР одно за другим передавало на другие нужды: под обустройство квартир для аспирантов, размещение месткома и так далее. Поэтому до 1930 г. этот вопрос так и не был решен, а затем проект организации лаборатории при Издательстве АН СССР и вовсе был отвергнут, так как начались работы по формированию академической Центральной фотолаборатории. В декабре 1930 г. ученый секретарь Издательства АН СССР Н. Б. Андреев направил в президиум АН СССР письмо, в котором сообщал, что не считает возможным и далее хранить неиспользуемое ценное фотооборудование и просил дать указания, кому это оборудование следует передать⁶. К письму была приложена опись на двух страницах имеющейся фото- и киноаппаратуры и расходных материалов, в числе которых было несколько зеркальных фотокамер с объективами «Тессар» «Цейса», киноаппараты, фотоувеличители, аппараты для резки фотопластинок, прибор для проявки киноплёнок, штативы, светофильтры и пр. Все это имущество было передано в ЦФЛ.

⁶ ПФА РАН. Ф.2. Оп. 1–1930. Д. 105. Л. 106.

В феврале 1933 г. по решению президиума АН СССР Центральная фотолаборатория АН СССР была передана в непосредственное ведение президиума и переименована в Лабораторию научно-прикладной фотографии и кинематографии (ЛАФОКИ), которое сохраняет до сих пор⁷. Располагалась она на Тучковой набережной (с конца 1950-х гг. – набережная Макарова) в доме № 2. С 15 января 1931 г.⁸ до декабря 1933 г. сначала заведующим ЦФЛ, а затем и директором ЛАФОКИ был один из инициаторов создания лаборатории С. Г. Гасилов (1893–1968) – фотограф по профессии.

В отличие от ЦФЛ возможности ЛАФОКИ значительно расширились. Она признавалась самостоятельной административной хозяйственной единицей, действующей на началах полухозяйственного расчета, и получила собственную печать. Теперь ее сотрудникам разрешалось принимать заказы на фото- и киносъемку от любых сторонних организаций при условии, что выполнение этих работ не мешает осуществлению основной функции лаборатории – обслуживанию академических институтов. В целях контроля за количеством заказов, поступающих от неакадемических учреждений, ЛАФОКИ должна была получать разрешение на работу по каждому такому заказу от Административно-хозяйственной комиссии АН СССР. Взаимоотношения между лабораторией и учреждениями Академии наук основывались на принципах хозрасчета и оформлялись в виде типового договора. Соответственно суммы, перечисляемые академическими организациями-заказчиками за съемки, были строго тарифицированы.

Изменение системы финансирования лаборатории не могло не сказаться на приоритетах в выполнении работ. Сотрудники ЛАФОКИ старались привлекать все больше сторонних заказов и все меньше уделяли внимания малооплачиваемым съемкам для академических институтов. Поэтому в первые годы существования лаборатории ее деятельность часто вызывала недовольство академических организаций низким качеством и длительными сроками исполнения заказов. Количество нареканий оказалось так велико, что привлекло к себе внимание президиума АН СССР, на заседании которого в октябре 1933 г. было принято решение образовать специальную комиссию для обследования деятельности лаборатории⁹. В ее состав вошли академики А. А. Борисьяк, А. С. Орлов, С. И. Вавилов, а также ученый секретарь Математического института АН СССР Б. И. Сегал и начальник Финансово-планового отдела АН СССР П. Г. Шидловский. Комиссия получила задание в течение месяца проверить работу ЛАФОКИ и информировать президиум о том, насколько качественно лаборатория обслуживает учреждения АН СССР и не мешает ли выполнение сторонних заказов исполнению ее прямых обязанностей. По итогам этой проверки в работе ЛАФОКИ был выявлен ряд существенных недостатков. Один из них – разросшаяся запутанная структура лаборатории и необоснованно раздутый штат сотрудников, что делало недостаточным имеющееся финансирование. Действительно, с февраля 1933 г. в лаборатории кроме директора, заведующих киноотделом и фототекой, бухгалтера и ученого

⁷ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 35.

⁸ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1931. Д. 82. Л. 18.

⁹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 182.

секретаря числились семь фотографов, кассир, ретушер, диспетчер, контроллер, окантовщик, фотомеханик, уполномоченный по заказам, агент, курьер, фотохимик, помощник бухгалтера, заведующий столом заказов, делопроизводитель, оклейщица, художник, копировщик, заведующий отделом распространения, механик, помощник механика, токарь, заведующий складом, столяр и многие другие общей численностью более полусотни человек ¹⁰.

Другим недостатком, отмеченным комиссией, было значительное увеличение количества работ, исполняемых для неакадемических учреждений в ущерб нуждам академических институтов (до 80 % неакадемических заказов за 9 месяцев в 1933 г.). «Академические» заказы выполнялись крайне медленно и в ряде случаев некачественно. Сроки исполнения заказов неакадемических организаций ЛАФОКИ также неоднократно нарушала, что вызвало с их стороны ряд жалоб на Академию наук. Причиной задержек было то, что сотрудники ЛАФОКИ зачастую брались за работу и подписывали соответствующие договоры невзирая на отсутствие необходимого персонала и оборудования.

Комиссия отметила также высокие расценки на выполнение работ для неакадемических заказчиков, значительно превышающие расценки ряда других фотоучреждений. Кроме того, были выявлены «нездоровые взаимоотношения», сложившиеся в коллективе.

Чтобы устранить выявленные недостатки, президиум АН СССР принял следующее решение:

1) для упорядочения структуры ЛАФОКИ ликвидировать отдел распространения, киноотдел и фотохимическую часть как самостоятельные структурные подразделения; один сотрудник, умеющий выполнять фотохимические работы, был переведен в Производственный отдел для выполнения там киноработ; штат лаборатории был ограничен 43 сотрудниками;

2) работу лаборатории было решено строить по принципу хозрасчета, отпуская из госбюджета дотацию на содержание штата. Сумма, выделяемая в фонд зарплаты сотрудников ЛАФОКИ, согласно смете на 1934 г. составила 25 000 руб.

3) доходы от выполнения работ для неакадемических учреждений было решено ограничить суммой 35 тыс. руб. в год, а большую часть средств следовало получать, выполняя работы для академических структур (примерно до 140 тыс. рублей в год);

4) ЛАФОКИ была передана в подчинение Физико-математической ассоциации. Директор лаборатории Гасилов ¹¹ как не справившийся с работой был

¹⁰ Информация получена на основе анализа описи личных дел сотрудников ЛАФОКИ – ПФА РАН. Ф. 298. Оп. 4.

¹¹ Дальнейшая судьба С. Г. Гасилова связана с Академией художеств, где он предположительно с конца 1930-х гг. руководил фотографической лабораторией. В 1965 г. организовал в системе Академии художеств научный архив фотографических репродукций произведений искусства из различных музеев и собраний СССР. Известно также, что он вел преподавательскую деятельность на химико-технологическом факультете Ленинградского института киноинженеров, где читал курс практической фотографии. Одной из наиболее известных работ Гасилова был цикл фотографий блокадного Ленинграда 1941–1944 гг., в частности, жанровые снимки сотрудников Академии художеств в дни блокады Ленинграда, эвакуация преподавателей и студентов Академии художеств в Самарканд, интерьеры музея Академии художеств,

Дом № 4 в М. Харитоньевском переулке – первый московский адрес ЛАФОКИ. Фото: М.В. Мокрова, 2010 г.

снят с должности, а исполняющим обязанности директора был назначен Козьминский¹².

В 1935 г. президиум АН СССР переместился из Ленинграда в Москву. Одновременно рассматривался вопрос о переносе в столицу и ЛАФОКИ. С 20 июля 1936 г. по разрешению СНК СССР ЛАФОКИ на началах хозяйственного расчета была образована в Москве по адресу: ул. Грибоедова (сейчас – М. Харитоньевский пер.), д. 4. В этом здании помещения лаборатории занимали подвальный и первый этажи, над ними располагался Институт машиноведения АН СССР (ИМАШ). На первом этаже находились кабинеты директора ЛАФОКИ и членов администрации, в подвале были размещены кино- и фотолаборатории. С этого времени ЛАФОКИ получила собственную государственную печать и свой баланс. «Ленинградская» ЛАФОКИ продолжила свою деятельность на правах филиала «московской». Решение об оставлении филиала было связано с

тем, что в президиум АН СССР поступило большое количество обращений от руководителей ленинградских научных учреждений академии с просьбой не лишать их возможности пользоваться услугами ЛАФОКИ в Ленинграде¹³.

Деятельность лаборатории была разнообразна. Так, для Архива АН СССР в июне 1940 г. ЛАФОКИ сделали 284 фотопортрета отечественных ученых. А в марте 1949 г. – еще 76 фотоотпечатков портретов действительных членов Академии наук: О. Ю. Шмидта, А. И. Опарина, Н. Д. Зелинского, А. А. Лебедева, М. В. Келдыша, А. Ф. Иоффе и других¹⁴. Кроме того, сотрудники лаборатории обеспечивали съемки по заказам неакадемических отечественных и зарубежных учреждений, обслуживали международные выставки, проводили фоторепродукционные работы для Издательства АН СССР и отдельных ученых.

После начала Великой Отечественной войны, в конце 1941 г., оборудование и специалисты ленинградского филиала ЛАФОКИ были эвакуированы в Мо-

встречу нового 1944 г. в фотолаборатории академии и др. Подробнее см.: Литовченко Е. Н., Полякова Л. С., Загонек В. В. Академия художеств. История в фотографиях 1850–1950-е: каталог выставки. СПб., 2004.

¹² ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 222об–223.

¹³ Архив РАН (АРАН). Ф.2. Оп.6–23 (1935 г.). Л. 112.

¹⁴ ПФА РАН. Дело разряда Х. Т. 1. Л. 76, 135.

скую, где продолжили работу¹⁵. Так, начиная с 1943 г. по поручению Чрезвычайной следственной комиссии они выезжали в Ясную Поляну, Днепропетровск, Запорожье, Сталино, Макеевку, Енакиево и другие места для съемки разрушенных во время войны жилых объектов.

В конце сентября 1943 г. для общего собрания АН СССР и общих собраний отделений Академии наук были выполнены следующие работы: 1) изготовление фотоотпечатков для экспозиции на выставках: к докладу академика В. Л. Комарова о К. А. Тимирязеве; к докладу академика Е. И. Павловского об итогах научной работы в Иране; к докладу члена-корреспондента П. С. Александрова о Н. И. Лобачевском; а также выставок Сектора спецбиблиотек и отделений АН СССР; 2) фотокиносъемка общего собрания 25–30 сентября 1943 г. и изготовление фотопортретов новых академиков, избранных на собрании, для публикации их в газетах «Правда» и «Известия». Сотрудникам ЛАФОКИ, участвовавшим в этих работах, была объявлена благодарность с занесением в трудовые книжки. Из-за отсутствия финансовых средств было принято решение премировать сотрудников сектора технической съемки 75 кг соли¹⁶.

К середине 1940-х гг. в архиве ЛАФОКИ собрались свыше 200 000 фото-негативов, отражающих историю развития отечественной науки и техники, историю СССР, быт и материальную культуру народов СССР, архитектуру и строительство, а также фонд негативов портретов деятелей науки, искусства и литературы. При лаборатории имелась также специализированная библиотека, состоящая из более чем 4000 книг по фото- и кинотематике¹⁷.

Работа ленинградского филиала лаборатории была возобновлена 8 февраля 1946 г. на основании распоряжения № 74 президента АН СССР С. И. Вавилова¹⁸ с предварительного разрешения исполкома Ленгорсовета от 17 января 1946 г. С этого времени сотрудники ЛАФОКИ занялись освоением цветной фотографии, съемки на 16-миллиметровую киноплёнку и микрофильмирования. В 1950-е гг. при лаборатории была организована специальная служба микрофильмирования¹⁹. Располагалась она в помещении Библиотеки Академии наук (до 1992 г.), по просьбе которой почти 40 лет производила оперативную съёмку вновь поступающей в библиотеку литературы, а также переснимала уже имеющиеся в фондах книги с целью их большей сохранности. Благодаря этой работе удалось впоследствии восстановить тексты множества раритетных изданий, оригиналы которых были утеряны или сильно пострадали во время пожара, случившегося в библиотеке 14–15 февраля 1988 г.²⁰ К середине

¹⁵ В этот период Ленфилиал ЛАФОКИ располагался по адресу: Москва, ул. Грибоедова, д. 4 вместе с московским отделением лаборатории.

¹⁶ См.: Приказ № 24 по ЛАФОКИ АН СССР от 1 октября 1943 г., хранящийся в архиве московского отделения ЛАФОКИ РАН.

¹⁷ 220 лет Академии наук СССР: Справочная книга. М.; Л, 1945. С. 283.

¹⁸ АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 29. Л. 89.

¹⁹ Подробнее о работе этой службы см.: Тысячи метров микрофильмов // Ленинградская правда. 25 август 1953 г.; Кривошеин В. Микрофильмы по заказам // Звезда. 26 ноября 1953 г.; Уникальное географическое издание // Вечерний Ленинград. 5 октября 1956 г. № 234; Рукописи под объективом // Ленинградская правда. 17 декабря 1957 г. и мн. др.

²⁰ В результате пожара 1988 г. в Библиотеке АН СССР 500 тыс. книг безнадежно пострадали; 400 тыс. книг были уничтожены огнем; 6 млн книг – залиты водой во время тушения;

ческой ракетой автоматической станции «Луна–24» (фото М. Вольфовича) ²². Эти съемки требовали от фотографов высокого профессионализма. Грунт на специальном лотке был помещен в стерильную герметичную вакуумную камеру, наполненную гелием. Макросъемка велась через специальное стекло верхнего иллюминатора на 60-миллиметровую пленку малой чувствительности с высокой разрешающей способностью. Чтобы избежать отражения света от стекла, объектив аппарата вплотную был приближен к иллюминатору. Направленное освещение позволило достаточно четко выявить рельеф грунта. Фотографии получились настолько четкими, что могли быть использованы для точных измерений отдельных частиц лунного грунта. Был также сделан панорамный снимок длиной около 7 м, состоящий из семи кадров, снятых во время передвижения лотка с грунтом перед объективом. Велась и киносъемка.

В силу сложившейся практики после передачи создаваемых сотрудниками ЛАФОКИ фото- и кинопродуктов заказчикам огромное количество этих документов оказалось рассредоточено по архивам академических и неакадемических, отечественных и зарубежных организаций, частным коллекциям членов Академии наук и т. д. Среди заказчиков проведения научных фотосъемок в разные годы можно назвать Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР, Институт радиотехники и электроники АН СССР, Институт биофизики АН СССР, Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана, Зоологический институт АН СССР и мн. др. Известно, что в Институте геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского РАН (ГЕОХИ РАН) есть фотокаталог коллекции метеоритов РАН, значительная часть фотографий для которого сделана сотрудниками ЛАФОКИ ²³. Из частных заказчиков известен палеонтолог и писатель-фантаст И. А. Ефремов. В 1994 г. в серии «Научное наследство» (издательство «Наука») были опубликованы его переписка с учеными и неизданные работы ²⁴. В январе 1937 г. в одном из писем профессору Ленинградского горного института А. Н. Рябину ²⁵ он пишет, что со дня на день ожидает снимки из ЛАФОКИ для иллюстрирования книги ²⁶.

Начиная с 1958 г. в ЛАФОКИ проводилась учетная обработка собранных фотоматериалов (на май 1967 г. обработаны более 14 000 негативов). Хранение их было организовано следующим образом: негативы были систематизированы по форматам, и каждому формату были присвоены свой

²² Опубликовано на обложке журнала «Наука и жизнь». 1976. № 11.

²³ Фотокаталог опубликован в сети Интернет: http://www.meteorites.ru/photocatalog/index.php?id_parent=109 (проверено 14 июня 2010 г.).

²⁴ Иван Антонович Ефремов. Переписка с учеными. Неизданные работы / Научное наследство. Т. 22. М., 1994. См. например, письма И. А. Ефремова А. Н. Рябину от 9 января 1937 г., А. П. Быстрову от 1 июня 1950 г. и др.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 732. Оп. 1. Д. 156. Л. 10, 11. Автограф.

²⁶ В письме Ефремова Рябину говорится о подготовке русского издания книги немецкого палеонтолога К. А. Циттеля «Основы палеонтологии» (1895). Ефремов подготовил к изданию раздел «Позвоночные. Класс амфибий», дополнив перевод новой палеонтологической информацией. Работа была завершена, однако начавшаяся Великая Отечественная война помешала осуществить это издание. Рябинин, бывший ответственным редактором, не пережил блокады Ленинграда. После его смерти научные материалы были переданы в ленинградские архивы, часть из них оказалась в составе ПФА РАН.

шифр хранения и своя нумерация. С каждого негатива делался контактный позитивный отпечаток, который наклеивался на бланк-карточку, содержащую информацию о номере, наименовании и содержании негатива. Все бланки-карточки были собраны в предметно-алфавитный каталог – позитивотеку.

Кинодокументы до конца 1960-х гг. хранились в киноархиве лаборатории, однако в 1969 г. из-за недостатка свободных помещений ЛАФОКИ вынуждена была отказаться от хранения киноплёнок и все оригиналы создаваемых кинозаписей стали передаваться заказчикам. По той же причине после съёмки передавались заказчику многие фотонегативы. Объёмы выполняемых работ росли с каждым годом. В 1967 г. в фотоархиве только ленинградского филиала хранились около 60 тысяч негативов (главным образом, на стеклянных пластинах). Это портреты членов АН и их семей (Н. Я. Марра, И. П. Павлова, А. Н. Крылова, А. М. Ляпунова и др.), философов (В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Г. В. Плеханова), деятелей революции (Ф. Э. Дзержинского, Г. И. Котовского, Г. К. Орджоникидзе), фотоматериалы о жизни и деятельности русских писателей и поэтов (А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова, В. В. Маяковского, А. А. Блока).

На качестве выполняемых заказов негативно сказывались как недостаточное финансирование, так и неудовлетворительные рабочие условия. Значительная часть работ (например, печать на фотобумагу) производилась вручную, тогда как за рубежом в то время уже существовали машины механической печати. Но приобрести их лаборатория не могла из-за отсутствия валюты. Штат лаборатории с годами естественным образом расширялся, а помещения оставались прежними. Ленинградский филиал ЛАФОКИ в здании на Тучковой набережной в 1950-х – середине 1970-х гг. имел всего 423,3 м² рабочей площади. Уже с 1950-х гг. его сотрудники начали остро ощущать недостаток производственных помещений. В апреле 1952 г. президиум АН СССР подготовил распоряжение, по которому ленинградскому филиалу ЛАФОКИ передавались прилегающие к его помещениям площади (102 м²), занимаемые автобазой АН СССР, но это решение не было исполнено.

Одним из директоров ЛАФОКИ, о котором сотрудники лаборатории до сих пор вспоминают с благодарностью, был Алексей Александрович Вольгемут – племянник известной киевской оперной певицы и актрисы М. И. Литвиненко-Вольгемут. До 1953 г. он работал заведующим фотоотделом в журнале «Огонек», затем начал заведовать фотослужбой на Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ), а в конце 1950-х – второй половине 1970-х гг. исполнял обязанности директора ЛАФОКИ.

Когда сотрудники лаборатории провели в 1962 г. съёмку встречи космонавта Ю. А. Гагарина с президентом АН СССР М. В. Келдышем, Вольгемут показал эти снимки управляющему делами АН СССР Г. Г. Чахмахеву. Тот согласился, что регулярные хроникальные съёмки важны для сохранения истории Академии наук и поддержал инициативу Вольгемута по планомерной кино- и фотосъёмке общих собраний АН СССР и других академических мероприятий, причем эти работы стали оформляться как заказы от Управления

Москва, Ленинградский проспект, д. 7. Фото: М.В. Мокрова, 2010 г.

делами АН СССР²⁷. На каждом общем собрании АН СССР в специально выделенном для этого помещении организовывалась временная портретная фотостудия, в которой по окончании заседаний производилась фотосъемка только что избранных академиков и членов-корреспондентов (эти снимки использовались в справочных изданиях о членах Академии наук).

С 1973 г. ЛАФОКИ перешла в состав Управления делами АН СССР на правах самостоятельной хозяйственной организации. С этого времени денежные фонды, выделяемые ленинградскому филиалу лаборатории, с каждым годом становились все меньше, а планы выполнения работ, напротив, все увеличивались.

В 1970-х гг. произошел рост количества академических институтов. В этот же период был создан Северо-Западный научный центр АН СССР, в задачи которого входила координация деятельности научных учреждений и ученых отраслевых институтов и вузов и обеспечение нужд академических учреждений Северо-Западного региона. Все это способствовало увеличению числа заказов на фото- и киносъемку. Кроме учреждений, расположенных непосредственно в Ленинграде, заказы поступали с Урала, Дальнего Востока, из Сибири и союзных республик.

Сохранилось письмо от 17 мая 1976 г. заведующего ленинградским филиалом лаборатории Л. П. Лопухова в президиум АН СССР, директору

²⁷ За предоставленную информацию благодарю заведующую фотоархивом ЛАФОКИ З. В. Ефимову.

ЛАФОКИ в Москве А. А. Вольгемуту и директору Института химии силикатов Академии наук М. М. Шульцу, в котором он жаловался на невыносимые условия труда своих сотрудников²⁸. Лопухов отмечал, что в 1960-е гг. среди них произошел рост заболеваемости, в связи с этим инспектор по охране труда Обкома профсоюза вместе с санитарным врачом неоднократно проводили обследования условий труда и отметили скученность и уплотненность рабочих мест и оборудования, несоответствие помещения санитарным нормам и полное отсутствие санитарно-бытовых помещений. К 1976 г. площадь, занимаемая ленинградским отделением ЛАФОКИ, составляла 506,9 м², что было на 485 м² меньше необходимого для полноценной работы. Такие требования руководства ЛАФОКИ по увеличению объема производственных площадей были продиктованы необходимостью разместить там сложное и громоздкое оборудование. Дело в том, что в 1977 г. по указанию президиума АН СССР для увеличения производительности и создания страхового фонда документов и материалов АН СССР планировалось закупить в ГДР специальное оборудование. Только для установки одного комплексного прибора «Пентакта» для проведения микрофильмирования по рекомендации разработчиков требовалось 200 м², а лаборатория нуждалась в трех таких аппаратах. Однако попытки президиума с начала 1970-х гг. найти лаборатории дополнительные помещения оказывались неудачными либо вследствие их малой площади, либо низких потолков, не позволявших вместить необходимую технику.

Сотрудники лаборатории осваивали в этот период все новые и новые техники фото- и киносъемки, что также требовало приобретения и размещения специального оборудования. В 1970-х гг. ЛАФОКИ занималась изготовлением черно-белых и цветных диапозитивов и фотоотпечатков различных форматов, выполняла сверхувеличение, макросъемку, съемку в поляризованном свете, в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах, микрофильмирование и многое другое²⁹. Кроме подготовки кино- и фотоматериалов для публикаций, выставок и пр., сотрудники лаборатории проводили фото- и кинофиксацию важнейших событий в жизни АН СССР, занимались хранением и систематизацией фотоархива портретов выдающихся отечественных ученых.

К 1979 г. площадь ленинградского филиала лаборатории незначительно расширилась до 600 м² за счет добавления помещений, принадлежавших автобазе Академии наук, которая была переведена в другое здание. Но условия для сотрудников оставались совершенно неудовлетворительными. Проявочные и прочие технические работы производились в помещениях на третьем этаже, не имевших гидроизоляции. Водопровод не ремонтировался с 1948 г. Вследствие этого вода часто заливала нижние этажи, где располагались Институт химии силикатов и Институт высокомолекулярных соединений, и портила расположенное там дорогостоящее оборудование. Из-за ветхости строения и протекающей крыши вода круглогодично заливала и саму лабораторию. В письме заведующего ленинградским филиалом ЛАФОКИ Л. П. Лопухова, секретаря парторганизации В. Д. Соболева и заместителя председателя

²⁸ Штат сотрудников Ленфилиала ЛАФОКИ на это время составлял 41 человек.

²⁹ Дмитриев И. Мгновенья, остановленные и летящие // Наука и жизнь. 1991. № 4. С. 6–9.

Москва, Садовническая наб., д. 41. Фото: М. В. Мокрова, 2010 г.

месткома Р. Б. Румянцева от 11 января 1979 г. уполномоченному президиума АН СССР по Ленинграду академику И. А. Глебову указано:

Стены и часть перекрытий промокли на всю толщу. Вода течет непрерывной струей на пол и оборудование, на головы персонала капает вода и осыпается штукатурка. Часть оборудования весной пришлось отключить, нельзя включать до сих пор [...] сейчас в связи с наступившей оттепелью 9, 10, 11 января с/г помещение и оборудование залито водой. За сутки воды, текущей струей, набирается до 7 ведер.

В феврале 1979 г. председатель Василеостровского райсовета народных депутатов Ю. Я. Охляковский предложил филиалу ЛАФОКИ самостоятельно изыскивать себе финансовые средства путем продажи сувениров и производства товаров культурно-бытового назначения. Но после консультаций лаборатории с сотрудником плановой комиссии Ленгорисполкома В. В. Самойловым стало ясно, что выпускаемую ЛАФОКИ продукцию нельзя отнести ни к сувенирам, ни к товарам культурно-бытового назначения, а для изменения их статуса потребуются дополнительные материальные затраты.

В 1982 г. ЛАФОКИ в связи с увеличением объемов работ переехала в новое, большее помещение по адресу: Москва, Ленинградский проспект, д. 7, где заняла около 2000 м². В этот период структура ЛАФОКИ включала следующие подразделения: 1) отдел фотоинформации (здесь трудились фотокорреспон-

денты, сотрудники архива и редакционной группы); 2) фотоотдел (в нем работали фотографы, фотолаборанты, вспомогательные рабочие); 3) киносектор (в число его сотрудников входили кинооператоры, кино- и фотолаборанты). С 1989 г. в состав лаборатории передана также часть видеосектора Отдела техники информации и средств связи Управления делами АН СССР.

На 1 января 1989 г. штат ЛАФОКИ составлял 96 человек в Москве и 54 человека в Ленинграде – наивысшее значение в истории лаборатории. Спустя десять лет, к октябрю 1999 г., в штате лаборатории в Москве осталось лишь 12 человек.

С 1990-х гг. началось резкое уменьшение числа заказов – многие академические институты организовали собственные небольшие фотолаборатории. Из-за стесненного финансового положения лаборатории в Ленинграде стало трудно закупать необходимые материалы, оплачивать коммунальные услуги и аренду помещения. Лаборатория, по признанию заведующего ленинградским филиалом Н. Н. Тихомирова, начала работать в убыток. Имевшееся оборудование устарело, а на покупку нового не было средств. В 1992 г. филиал ЛАФОКИ вынужден был освободить помещение, занимаемое в Библиотеке АН СССР (31,8 м²), в связи с невозможностью оплачивать арендную плату – 900 руб. за 1 м², плюс сверхарендная сумма в размере 890 руб. В первой половине 2000-х гг. с заведующим санкт-петербургским филиалом ЛАФОКИ Н. Н. Тихомировым случилось несчастье: он пропал без вести. В сложившихся тяжелых финансовых условиях отстаивать интересы лаборатории больше было некому, и вскоре ленинградский филиал прекратил свое существование.

Не многим лучше обстояли дела с помещениями в Москве. Согласно распоряжению президиума АН СССР № 10120–451 от 28 мая 1990 г. на баланс ЛАФОКИ были переданы территория площадью 0,16 га и здания завода лабораторной мебели и оборудования Управления делами АН СССР, расположенные по адресу: г. Москва, ул. Осипенко (позднее – Садовническая), д. 41 – административное здание площадью 329 м² и производственный корпус 1315 м². Эти помещения должны были освободиться вследствие того, что сам завод как экологически грязное предприятие по постановлению СМ СССР № 363 от 25 марта 1988 г. и решению исполкома Москворецкого горсовета № 1048 от 19 мая 1988 г. подлежал выведению за пределы Москвы.

В 1996 г. эти площади были переведены с баланса лаборатории на баланс Управления делами РАН, а ЛАФОКИ продолжили свое пребывание там на правах аренды (договор об аренде был заключен до 1 февраля 2000 г.). С 1 января 1999 г. часть площадей, арендуемых ЛАФОКИ, по инициативе Управления делами РАН и без согласования с руководством лаборатории начала использоваться для сдачи в аренду. В результате у сотрудников ЛАФОКИ не стало доступа к сантехническим помещениям и исчезла возможность пользоваться телефонной связью.

В 1992 г. в фототеке ЛАФОКИ на хранении находилось более 15 тыс. негативов³⁰. По распоряжению президента РАН Ю. С. Осипова № 10120–72 от 11 марта 1997 г. в целях повышения ответственности и установления единого

³⁰ Матвеев Н. М. Все может ЛАФОКИ // Вестник РАН. 1992. № 7. С. 129.

порядка сохранности документов в Российской академии наук все аудиовизуальные материалы, имеющие научно-историческое значение и хранящиеся в ЛАФОКИ, надлежало передать на хранение по акту в Архив РАН. В октябре 1997 г. туда были переданы видеозаписи в количестве 71 ед. хр., а также 53 ящика со стеклянными негативами и 28 ящиков с пленочными негативами разных форматов. Причем фотодокументы были переданы без учета их количества и составления описи.

Сегодня Лаборатория научно-прикладной фотографии и кинематографии продолжает существовать в Москве. Согласно постановлению президиума РАН № 270 от 21 ноября 2000 г. ЛАФОКИ РАН включена в состав Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН в качестве структурного подразделения. В этом же документе рекомендовано образовать в ИИЕТ РАН на базе собрания изобразительных материалов, хранящихся в иконотеке института, и документов ЛАФОКИ (в том числе ранее переданных в Архив РАН) на правах научно-отраслевого архива единый изоархив по истории науки и техники³¹. 19 марта 2001 г. Архив РАН передал в ИИЕТ фотоматериалы ЛАФОКИ в количестве 34 841 негатива (81 ящик) – портреты отечественных и зарубежных ученых и фотоизображения хроникального характера.

В настоящий момент вопрос о выполнении постановления президиума по формированию единого изоархива по истории науки и техники упирается лишь в проблему отсутствия необходимых для этого помещений.

ЛАФОКИ за годы своего существования накопила обширный архивный материал, представляющий не только историческую ценность. Дело в том, что в отдельные периоды, главным образом, в 1930–1940-е гг., с ЛАФОКИ сотрудничали выдающиеся отечественные фотомастера.

Одним из таких фотографов, чьи работы известны как в России, так и за рубежом, был Моисей Соломонович Наппельбаум (1869–1958)³² – признанный фотопортретист, коллекция которого составляет ценную часть собрания архива ЛАФОКИ.

Наппельбаум родился в 1869 г. в Минске. Когда настало время определяться с будущим родом занятий, родители предлагали ему выбор между профессиями портного, парикмахера и сапожника, однако он решил учиться на фотографа. В 1884 г. Наппельбаум поступил на работу в портретное ателье

М. С. Наппельбаум. Автопортрет, 1920–1930-е гг.

³¹ См.: Президиум РАН решил // Вестник РАН. 2001. Т. 71. № 3. С. 280–281.

³² Мокрова М. В. Фотопортреты ученых в творчестве М. С. Наппельбаума (1869–1958) // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. 2006. М., 2006. С. 243–245.

Санкт-Петербург, Невский проспект, д. 72. Здесь на шестом этаже в 1910-е гг. располагалось фотоателье М. С. Наппельбаума. Фото: М. В. Мокрова, 2007 г.

«Боретти» учеником копировщика, но вскоре стал ретушером, а спустя недолгое время – учеником фотографа. Для накопления профессионального опыта с 1887 г. он много путешествовал: был в Смоленске, Москве, Одессе, Евпатории, Вильно, Варшаве, Нью-Йорке, Питтсбурге, Чикаго, Филадельфии, Бостоне. В 1895 г. Наппельбаум вернулся в Минск, где открыл собственное фотоателье. В 1910 г. он переехал в Петербург, где в своей квартире (Невский проспект, д. 72, эт. 6) также открыл фотографическое ателье³³. Вскоре Наппельбаум стал постоянным сотрудником популярного журнала «Солнце России», по заказу которого фотографировал многих известных музыкантов и профессоров консерватории. Тогда в его фотогалерее стали появляться и ученые, – например, психиатр В. М. Бехтерев.

³³ Стоимость такого ателье в то время составляла порядка 6 тыс.руб. См. объявление о продаже «солидной фотографии» на Невском проспекте, д. 74 в помещении Банкирской конторы Алферова // Фотографические новости. 1913. № 2. Вклейка между с. 24 и с. 25. Для сравнения: фотоателье в Вознесенском пер. в том же году продавалось за 2 тыс. руб. (Там же. № 12), а самая высокая цена – 10 тыс. руб. В 1916 г. цена на них сильно поднялась и на Мещанской улице в Петрограде составляла уже 16 тыс. руб. (Там же. 1916. № 7).

В январе 1918 г. Наппельбаум был приглашен в Смольный, где сфотографировал В. И. Ленина для готовящихся к изданию избранных произведений вождя революции. Затем последовали и другие государственные заказы. После того, как весной 1918 г. правительство переехало из Петрограда в Москву, при поддержке Я. М. Свердлова Наппельбаум организовал в 1919 г. в Москве при ВЦИК первую государственную портретную фотостудию, которая расположилась в здании гостиницы «Метрополь». В 1920 г. он окончательно перебрался в Москву. В 1925 г. в двухэтажном доме № 5 по ул. Петровка открылась частная фотостудия Наппельбаума. Она располагалась на втором этаже рядом с его двухкомнатной квартирой.

Наппельбауму принадлежат ставшие классическими портреты многих известных политических деятелей – И. В. Сталина, Ф. Э. Дзержинского, Л. П. Берии, Л. Д. Троцкого, Г. Г. Ягоды, Н. И. Ежова, Н. И. Бухарина, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, М. Н. Тухачевского и др. Но в центре его внимания всегда были люди искусства и науки. В 1920–1940-е гг. он создал целую галерею фотопортретов отечественных ученых: в их числе академики историк Василий Васильевич Струве, геолог Владимир Афанасьевич Обручев, физиолог Александр Александрович Богомолец, физики Дмитрий Владимирович Скобельцын, Петр Леонидович Капица, Сергей Иванович Вавилов, Абрам Федорович Иоффе, математик Иван Георгиевич Петровский, биохимик Алексей Николаевич Бах, химик Николай Дмитриевич Зелинский и др.³⁴

Отличительная особенность работ мастера – съемка с использованием одного источника освещения – лампы в 1000 Вт, помещенной в самодельный софит, – с помощью которого он получал глубокий направленный свет. Благодаря этому приему на фотопортретах Наппельбаума лица освещены лишь с одной стороны, другая находится в тени. В начале XX в. этот подход в фотографии был революционным: согласно общепринятой практике лицо в кадре должно было обязательно освещаться равномерно, для чего фотографы использовали классическое освещение с тремя источниками света. Отход от этих канонов считался браком. Один источник света позволял Наппельбауму получить позаимствованное из живописи так называемое «рембрандтовское освещение», придавая образу человека, изображенного на портрете, некую загадочность, характерность, подчеркивая богатство его внутреннего мира.

Для Наппельбаума основной смысловой центр в каждом портрете – глаза человека, отражающие его интеллектуальное и волевое начало. В первой четверти XX в. профессиональным фотографам настоятельно не рекомендовалось снимать портреты людей, смотрящих не в кадр: «При рассматривании фотографический портрет всегда производит лучшее впечатление, если глаза направлены на зрителя»³⁵. Это правило Наппельбаум также нарушил практически с первой самостоятельной съемки.

Он не применял широко распространенные тогда бутафорию и рисованный фон. Для того, чтобы выделить лицо портретируемого, на ранних этапах своего творчества он после получения негатива на стеклянной пластине тоненькой кисточкой наносил акварельные мазки, создавая мягкий, размытый фон.

³⁴ Moses Nappelbaum. *Our Age*. Michigan, 1984. P. 124–135.

³⁵ Выражение лица в портретах // Вестник фотографии. 1915. № 10. С. 266–267.

Такой прием позволял усилить акцент на лицо портретируемого. Позднее он отказался и от такого вмешательства в негатив, заменив акварельные краски малой глубиной резко изображаемого пространства³⁶.

В своих работах Наппельбаум использовал так называемое тональное построение кадра, которое с помощью задуманного распределения света и тени, ярких и темных участков, позволяет акцентировать внимание зрителя на наиболее важных изображаемых объектах. Главный, наиболее выразительный смысловой центр снимка в его портретах – лицо и руки. Они всегда обращают на себя внимание и являются на снимке единственными ярко освещенными объектами. Поэтому, как правило, одежда портретируемого темных приглушенных тонов. Поворот головы, направление взгляда, положение кистей рук – все это создает внутреннюю динамику кадра.

Многие фотографии советского периода намеренно вводили в кадр определенные предметы-подсказки, чтобы дать понять зрителю, какого рода занятий человек, изображенный на фотографии. Для этого композитор часто фотографировался у рояля, а писатель сидел за письменным столом, на котором стояла чернильница. В классическом учебном пособии по фотосъемке В. П. Микулина приводятся и более анекдотичные примеры:

...нелепым был бы снимок знатной колхозницы, сидящей в кресле в праздничном платье, при орденах, с венком из полевых цветов на голове и с ягненком или со снопом на коленях. А подобные снимки иногда встречаются³⁷.

Наппельбаум не вводил в кадр «подсказки», однако даже не зная в точности, кто запечатлен на его снимке, можно легко догадаться, что это за персонаж – ученый он или художник, музыкант или государственный деятель. Известный литературовед и критик Виктор Шкловский, хорошо знавший Наппельбаума, говоря о фотопортрете А. Н. Толстого, очень точно подметил: «Нет аксессуаров, нет позы, но трубка взята так, что видно: ее не только курят – ее держат в руке, когда думают»³⁸.

Согласно общепринятой фотографической практике того времени, позы, которые мог принять портретируемый, не отличались разнообразием:

Существовал стандарт: лицо портретируемого должно быть расположено перед аппаратом либо в профиль, либо анфас, либо труакар³⁹. Фотографам не приходило в голову поискать такой поворот головы, при котором ярче выявляются характерные особенности модели. Мало того, фотографы-ремесленники, как правило, спрашивали у заказчика, как он желает сняться, – в профиль, анфас или труакар⁴⁰.

³⁶ Глубина резко изображаемого пространства – фотографический термин, обозначающий расстояние между ближней и дальней границами пространства в кадре, при нахождении в пределах которого объекты находятся в фокусе, т. е. выглядят на фотографии резкими. Все, что лежит за этими пределами – размыто.

³⁷ Микулин В. П. 25 уроков фотографии. М., 1958. С. 309.

³⁸ Шкловский В. Б. Новое знакомство с прошлым // Моисей Наппельбаум. Фотография. Выставка фотопроизведений М. Наппельбаума. Каталог. М., 1987. С. 6.

³⁹ От французского *trois quarts* – три четверти.

⁴⁰ Наппельбаум М. С. От ремесла к искусству. М., 1958. С. 11.

Подход Наппельбаума был совершенно другим, из-за чего посетителям его фотоателье зачастую требовалось большое терпение и достаточный запас свободного времени. Сам фотопортретист вспоминал:

Бывало, я часами мучил заказчика, пересаживая с места на место, делая по десять-двенадцать снимков, заставляя его то надевать пальто или шляпу, то снимать их, требуя иногда, чтобы та или иная клиентка поехала домой и надела другое платье, по описаниям более подходящее к ее облику, или переменила прическу, которая, по-моему, должна ей больше идти. Случалось и так, что заказчик приходил получать уже готовую работу, а я, увидев его по-новому, начинал снова снимать его ⁴¹.

Технические особенности портретной фотосъемки и свои творческие находки Наппельбаум раскрыл в итоговой книге «От ремесла к искусству».

На 1930-е гг., когда были ликвидированы практически все частные фотоателье, приходится пик его творческой активности. Именно в это время он получил долгосрочный заказ от Академии наук СССР на выполнение фотопортретов ученых для формирования фонда только что образованной Лаборатории научно-прикладной фотографии и кинематографии. За 1930–1940-е гг. в рамках этого проекта Наппельбаум отснял портреты таких выдающихся деятелей науки, как И. А. Орбели, П. Л. Капица, О. Ю. Шмидт, С. И. Вавилов, Н. С. Курнаков, В. А. Фок, С. А. Чаплыгин, А. П. Карпинский, Н. Н. Семенов, А. А. Ухтомский, Б. И. Збарский и других членов АН СССР ⁴².

В начале Великой Отечественной войны Наппельбаум вместе с семьей переехал в Нальчик, а затем в Тбилиси, где активно продолжал фотографировать ученых – членов Академии наук Грузинской ССР, работал на Тбилисской киностудии и в театре им. К. А. Марджанишвили. В конце войны по вызову Комитета по делам искусств вернулся в Москву, где два дня в неделю работал в фотостудии Мосоенторга на Арбате.

При жизни Наппельбаума в нашей стране были проведены четыре крупные выставки его работ: в 1918 г. (Петроград) и в 1935, 1946 и 1955 гг. (все в Москве). В связи с пятидесятилетием творческой деятельности в 1935 г. ему было присвоено звание заслуженного артиста республики. Фотографии, созданные Наппельбаумом, рассредоточены по многочисленным фондам и коллекциям десятков научных и культурных учреждений Москвы и Санкт-Петербурга. Крайне затрудняет установление точного года съемки тот факт, что сам фотопортретист, к сожалению, редко датировал свои работы.

Лаборатория научно-прикладной фотографии и кинематографии АН СССР, с которой сотрудничал Наппельбаум, собрала в своих стенах множество

⁴¹ Moses Nappelbaum... Р. 8.

⁴² По поручению президиума Российской академии наук Институт истории естествознания и техники РАН выполнил проект, в результате которого на сайте РАН в 2009 г. был размещен ряд портретов выдающихся ученых, негативы которых хранятся в архиве ЛАФОКИ ИИЕТ РАН, сопровождаемых биографическими справками об этих ученых. См.: <http://www.ras.ru/nappelbaum/95aad056-700f-4d0d-a97a-5195795a66b7.aspx>. Книжный вариант этого проекта был издан ИИЕТ РАН в 2010 г. См.: Ученые Академии наук 1920-е–1950-е годы: Коллекция портретов фотохудожника М. С. Наппельбаума с биографическими справками. М., 2010.

*Портрет академика В. А. Фока.
М. С. Нанпельбаум, 1930–1940-е гг.*

*Портрет академика Н. Н. Семенова.
М. С. Нанпельбаум, 1930–1940-е гг.*

выдающихся российских и советских фотографов, многие из которых уже тогда имели известность и даже мировое признание. В 1930–1940-х гг. в лаборатории в Москве и Ленинграде работали такие замечательные фотопортретисты, как Евгений Яковлевич Элленгорн (1878 г. р.), Николай Иванович Свищев-Паола (1874–1964). С деятельностью этих выдающихся фотомастеров связан наиболее яркий след в истории и ЛАФОКИ, и истории советского фотоискусства в целом.

К сожалению, биографические данные о них крайне скудны. Е. Я. Элленгорн – потомственный фотограф. Его отец имел в Твери свой фотосалон, где с 1891 г. Элленгорн набирался фотографического опыта. Затем три года он отучился в Санкт-Петербурге в училище живописи, ваяния и зодчества. Это было до начала Первой мировой войны. После смерти отца унаследовал тверское фотоателье и до 1929 г. был его хозяином. Затем Элленгорн переехал с семьей в Москву. Есть сведения, что до 1941 г. он работал в Москве сначала в фотостудии «Турист» ВЦСПС, а затем – в ЛАФОКИ. Он – автор фотопортретов академиков А. И. Берга, П. Л. Капицы и многих других. В 1941 г. Элленгорн вдруг спешно перебрался в Челябинск, где устроился фотокорреспондентом в местную газету «Челябинский рабочий». В 1943–1944 гг. он снова вернулся в Москву, в лабораторию. Но о дальнейшей его судьбе ничего не известно ⁴³.

Н. И. Свищев-Паола также работал над созданием фотопортретов советских академиков по заказу ЛАФОКИ АН СССР в послевоенный период. В его фотопортретах большое значение имеет поза портретируемого, его костюм,

⁴³ Францева Е. И стал портретист фоторепортером // Челябинский рабочий. 4 мая 2005 г.

фон на котором изображен человек, а также среда, обстановка. Во многих его снимках одно положение портретируемого (поворот головы или корпуса, жест) является уже находкой.

Н. И. Свищев-Паола родился в Москве в семье мелкого торговца. Когда он учился в школе, отец решил взять его помощником к себе в магазин, но вскоре разорился и был вынужден продать свое дело. Покупателем стал владелец первоклассного фотоателье на Тверской улице Е. М. Овчаренко, который заметил Свищева-Паолу и, посмотрев его рисунки, пригласил к себе в фотоателье в качестве ученика ретушера, а вскоре – и ученика фотографа. В 1892–1893 гг. Свищев-Паола работал помощником фотографа в ателье Бродовского на Кузнецком мосту, а затем фотографом у Афанасьевой на Земляном валу и близ Сухаревского рынка. В 1895 г. Николай Иванович открыл собственное фотоателье в арендованном помещении, которое вскоре перешло в его собственность. Тогда он начал поиски новых методов портретной съемки. Одной из попыток создать нечто совершенно непохожее на то, что делали другие, были фотографии на фарфоре и молочном стекле. Затем он ставит опыты с освещением, пробует уйти от штампов в построении композиции. Поначалу эксперименты не были удачными: он направлял на затемненный объект яркие пучки света и размещал людей в неестественных позах. Потом попробовал напротив, делать снимки четкие по рисунку и безукоризненно чистые по ретуши. Позже увлекся съемкой объективом типа «Монокль», который давал нерезкий, размытый рисунок, и акцентировал внимание на модели с помощью освещения. Творческие поиски привели его в августе 1908 г. в ателье на Кузнецком мосту, принадлежавшее редактору журнала «Вестник фотографии» Н. С. Короткову. Первое время Свищев-Паола выступал в роли помощника, а позднее выкупил ателье. С этого момента его работы приобретают известность и признание, участвуют в отечественных и зарубежных фотовыставках, получают награды. Его клиентами становятся актеры, писатели, ученые. В 1910–1920-х гг. творчество Свищева-Паолы достигает наивысшего расцвета. Он выступает на международных фотовыставках США, Канады, Великобритании, Франции, Италии. Однако в 1940 г. он был вынужден закрыть свое фотоателье. Будучи уже в преклонном возрасте, после Великой Отечественной войны он работал над созданием фотопортретов советских академиков по заказу ЛАФОКИ АН СССР, снимал актеров и спектакли Государственного академического театра им. Е. Вахтангова и Московского музыкального театра им. В. Немировича-Данченко. Во второй половине 1950-х гг. к нему вновь вернулось официальное признание, в СССР и за рубежом прошли выставки его работ ⁴⁴.

Еще один фотограф, работавший в ЛАФОКИ, – Мирон Абрамович Шерлинг (1890–1958) ⁴⁵. С 1913 г. он трудился в Петербурге вместе с Наппельбаумом в журнале «Солнце России». В 1913 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Художественное бюро Н. Добычиной» вышел альбом-каталог «Выставка художественной светописы» Шерлинга, в котором был опубликован ряд его работ ⁴⁶. Коллекция его негативов вошла в собрания Государственного цент-

⁴⁴ Фомин А. Светопись Н. И. Свищев-Паола. М., 1964.

⁴⁵ Вартаков А. Прием, манера, стиль // Советское фото. 1986. № 9.

⁴⁶ Выставка художественной светописы. М. Шерлинг. СПб., 1913.

рального театрального музея им. А. А. Бахрушина в Москве. Сохранились ли работы Шерлинга в архиве ЛАФОКИ пока еще не удалось установить.

Для ряда других, молодых, фотографов работа в ЛАФОКИ стала важной «профессиональной школой». Так, в 1932–1934 гг. здесь трудился тогда еще мало известный Давид Михайлович Трахтенберг⁴⁷, ставший впоследствии знаменитым благодаря своим военным фоторепортажам и снимкам блокадного Ленинграда⁴⁸. К первой половине 1940-х гг. относятся 147 фотопортретов академиков, членов-корреспондентов и других ученых АН СССР, снятых Г. М. Вайлем (1915 г. р.) для экспонирования на выставке, посвященной 220-летию Академии наук⁴⁹.

Как видно, история ЛАФОКИ – это не только история отдельно взятого структурного подразделения Российской академии наук, но и яркая страница истории отечественного фотоискусства, отечественной фотокультуры в целом. Причем необходимо подчеркнуть, что архив ЛАФОКИ ИИЕТ РАН не может функционировать без специалистов лаборатории, поскольку только они способны работать со старыми фотонегативами на стеклах, обеспечивать их фотохимическую обработку и необходимый режим хранения и т. д. История ЛАФОКИ – это незавершенная страница в истории Академии наук.

⁴⁷ Его работы и о нем см.: *Трахтенберг Д. М.* Подвиг Ленинграда. Л., 1966; *Трахтенберг Д. М.* Невский проспект в дни войны и мира. Л., 1970.

⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 298. Оп. 4. Д. 96.

⁴⁹ АРАН. Фонд № Р–Х. Оп. 4. 1945. О Юбилейной выставке см.: Юбилейная сессия Академии наук СССР. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 381–388.